УДК 338.124.4:323

ЛОБАНОВ К.Н.

Мировой финансово-экономический кризис и его воздействие на социально-политическое развитие страны: советский опыт и российские реалии

Данная статья посвящена актуальной для российской внутренней и внешней политики проблеме воздействия последствий экономико-финансового кризиса 2008–2010 годов и нарастающей угрозы его рецидива на состояние экономической и социально-политической стабильности в стране. Автор публикации стремится показать экономические, социальные, политические и геополитические последствия игнорирования советского опыта кризисного развития и доказать необходимость его критического переосмысления в нынешних условиях.

Ключевые слова: мировой финансово-экономический кризис, сырьевая экономика, асимметричная структура экспорта, социально-политическая напряженность в обществе, модернизация.

Вот уже несколько месяцев одной из самых обсуждаемых в стране является тема надвигающейся на нас новой волны финансового кризиса. Анализируя сообщения СМИ по поводу разрастающегося в мире экономического спада, невольно задаешься вопросом: неужели и правда эта нежданная беда на нашу голову есть результат непредсказуемой игры рыночных стихий и неизбежное «последствие глобального кризиса»? Возможно, так оно и есть. Однако вопреки потоку ежедневной информации трудно отвязаться от мысли об искусственной природе предыдущего и предрекаемого нам вновь кризисов, а главное – от осознания того, что когда-то, и, видимо, не очень давно, все это уже происходило с нами. Причем во многих деталях и подробностях. Иными словами, налицо классическое «дежа вю» – психологический феномен, описываемый как способность сознания воспринимать прошлое как настоящее. Именно в недрах нашего коллективного прошлого, в минувшей советской эпохе уже происходили схожие с сегодняшними события, результатом которых явились далеко идущие геополитические изменения.

Какова суть происходящих событий? Почему они повторяются? Извлекаем ли мы уроки из истории?

Чтобы попытаться «раскодировать» это дежа вю, необходимо вернуться лет на тридцать–тридцать пять назад в так называемые «застойные» годы. Страна, перевалив через тяжкий этап послевоенного восстановления и переваривая отголоски противоречивой хрущевской «оттепели», в начале семидесятых втянулась в период относительно спокойного и благополучного развития. Стабильность и процветание имели под собой вполне конкретную основу, покоившуюся на достижениях и успехах предыдущих лет. В плане внутреннем это благотворное воздействие на хозяйство страны прогрессивной косыгинской реформы 1965 г., позволившее экономике хоть и инерционно, но все-таки по восходящей линии развиваться всю восьмую и девятую пятилетки (1966–1970, 1971–1975 гг.). В области внешней политики это замирение с Западом, «разрядка меж-

дународной напряженности», ставшая возможной благодаря достижению паритета с США в области вооружений.

Такие спокойные и созидательные периоды, как семидесятые годы прошлого столетия, не часто случались в истории нашего Отечества. Государство могло наконец сосредоточиться на давно ожидаемом в народе решении проблем социального характера, улучшении условий труда и повседневной жизни людей. Благоволила нам в этом и внешнеэкономическая обстановка. В начале 70-х, а потом и повторно в конце десятилетия западные страны потрясли волны так называемых «нефтяных шоков» – энергетических системных кризисов капиталистической экономики. Энергозависимая хозяйственная система Запада оказалась беззащитной перед лицом солидарной позиции мусульманских стран–экспортеров нефти, резко сокративших поставки углеводородного сырья в Европу и США в условиях перманентно тлеющего арабо-израильского конфликта на Ближнем Востоке. Запад заметался в поисках альтернативных партнеров среди нефтедобывающих государств и создании более надежных путей транзита ресурсов. После недолгих колебаний западные страны предложили Советскому правительству сделку века по формуле «трубы в обмен на топливо». Иными словами, СССР обязывался за хорошие деньги плюс зарубежное оборудование и технологии переправлять газ и сырую нефть по трубопроводам со своих сибирских месторождений в Западную Европу. Сделка действительно казалась выгодной для обеих сторон. Запад теперь имел относительно низкое по себестоимости, а главное, бесперебойное топливо, а Советский Союз получал очень недостающую в условиях ограниченной номенклатуры экспорта валюту. «Нефтедоллары», поступавшие в госбюджет от продажи сырья, Брежнев распорядился частично использовать для покрытия дефицита на потребительском рынке. Многие из нас помнят, что именно в эти годы хотя и не без известных трудов или блата, но все же можно было приобрести одежду и обувь, ткани и парфюмерию, бытовую технику и продукты питания западного производства. Импортировалась не только готовая продукция, но и целые технологические линии. Нельзя не вспомнить знаменитый Тольяттинский завод по производству «Фиатов-69» (в отечественном исполнении – «Жигули» 01 модели), продукция которого позволила утолить жажду истосковавшимся по личным авто советским гражданам. Одним словом, как пелось в песне из старого кинофильма, «жить стало лучше, жить стало веселей». И это была правда. Единственное, чего тогда опасались, так это войны, которая могла вмиг прервать эру наступившего спокойствия и благополучия.

Однако угроза стране таилась не в стане внешних врагов, она зарождалась внутри нашей системы. В погоне за «нефтедолларами» мы не заметили, как произошло опасное перерождение отечественной промышленности, наметился явный ее крен в сторону добывающего сектора в ущерб обрабатывающим отраслям, не говоря уже о новых технологиях. Что и говорить, соблазн получить барыш, используя то, что создала природа, не вложив в это особого труда, тогда явно пересилил потребность создавать и продвигать свою продукцию на мировые рынки. К середине 80-х годов уже около 54% советского экспорта составляло сырье, причем большая часть его приходилась на углеводороды (для сравнения: в середине 60-х годов – 27%). Конечно, нельзя полагать, что вся остальная экономика, кроме топливно-энергетического сектора, вдруг впала в глубокую депрессию (это произошло несколько позже), но страна прочно подсела на «нефтяную иглу». Чтобы не снижать объем государственных расходов и поддерживать сложившуюся структуру потребления, нужно было больше валютных поступлений, а значит, требовалось постоянно наращивать энергетический экспорт. И мы качали, забираясь все дальше и дальше за Полярный круг. Постепенно мы перестали замечать, что состояние здоровья нашего хозяйственного, финансового и социального организма обеспечивается уже не столько внутренними процессами, сколько определяется условиями внешней среды, от нас почти не зависящими и легко регулируемыми извне. Глобальная конъюнктура спроса на нефть и газ, поведение зарубежных фондовых рынков, колебания курсов мировых валют превратились в решающие факторы обеспечения роста отечественной экономики и поддержания стабильности в обществе.

С другой стороны, прогрессирующая сырьевая ориентация СССР наносила серьезный ущерб всей системе национально-государственной безопасности, делала ее открытой и уязвимой со стороны наших геополитических соперников. В условиях неутихавшего противоборства между Востоком и Западом США, обеспокоенные ростом советского военного бюджета (значительная часть «нефтедолларов» тратилась на модернизацию Вооруженных сил) и активизацией нашей внешней политики (Афганистан, Никарагуа, Сальвадор), не могли упустить возможности усугубить внутренние проблемы в СССР. Объявившие в начале 80-х годов «крестовый поход» против «империи зла», американские геостратеги избрали главным объектом разрушения именно нашу экономико-финансовую систему. Ее решено было обвалить путем целенаправленных и согласованных действий и таким образом вывести СССР из числа своих глобальных конкурентов. Было рассчитано, что если увеличить на порядок объем наших расходов, например, на военные нужды и одновременно сократить доходную часть бюджета за счет снижения валютных поступлений от продажи энергоресурсов, то наша экономика и финансы не выдержат этой искусственно созданной «дельты» и рухнут вниз. К несчастью, сделать это оказалось не так сложно.

Американцам удалось втянуть нас в новый и очень затратный виток гонки вооружений. В Западной Европе, как известно, были размещены ядерные боеголовки средней и малой дальности. Потом Вашингтон объявил о намерении запустить программу создания качественно новой системы ПРО, т.н. «стратегической оборонной инициативы». Естественно, нам пришлось отвечать, все туже и туже затягивая пояса. С другой стороны, американские высшие чиновники государственный секретарь Дж. Шульц и директор ЦРУ Р. Гейтс направились в страны Персидского залива и, «обработав» тамошних лидеров, добились от них политического решения об увеличении объемов добычи нефти и газа. В результате мировые цены на энергоносители резко упали, а в нашем госбюджете образовались бреши, заделать которые уже было нечем. Вот так, посредством нехитрых манипуляций был нанесен смертельный удар некогда одной из самых могущественных экономик мира, ставшей по воле правителей вдруг беззащитной перед угрозами извне и потерявшей способность бороться за живучесть. Последовавшие вслед за этим события вряд ли стоит комментировать, их все достаточно хорошо знают. Экономический коллапс и распад страны в начале 90-х годов стали итогом политики, которая еще полтора десятилетия до этого казалась разумным и выгодным экономическим курсом.

Что же до лихих денег, которые потекли к нам от неуемной продажи национальных богатств, то большого проку от них так и не вышло. Тратились они нерационально – диверсификации производства на основе научно-технологического прорыва так и не произошло, крупные инфраструктурные проекты («подушка безопасности» на случай кризисов!) тоже реализовать не удалось. Средства просто «проели», а большая их часть безвозвратно сгинула в многочисленных «черных дырах» советской экономики и внешней политики. Корм в коня не пошел, остались лишь разочарования да грустные воспоминания о былой сытости и благополучии.

С тех пор минуло несколько десятилетий. Произошли трансформации в нашем обществе и государственном строе, другим стал международный порядок. Вместе с тем эти изменения никак не отразились на местоположении России в мировой системе разделения труда. Ситуация скорее ухудшилась. Вот некоторые цифры. По данным РАН, доля России в производстве высокотехнологичной продукции в 2007 г. составила 0,2–0,3%, в то время как доля США – 36%, стран ЕС – 18%, Китая – 17%, Японии – 16%. В то же время уже 69% структуры российского экспорта сегодня занимает сырье (против 54% в 1985 г.), и не менее 50% доходной части госбюджета формируется за счет поступлений от ТЭК. Это означает, что при нынешнем ничтожном вкладе страны в развитие глобальных экономических и научно-технологических процессов за ней сохраняется ущербная и бесперспективная роль поставщика ресурсов для нужд живущей в инновационном ритме мировой экономики. Очевидно также и то, что при таком положении едва ли не единственным нашим спасением становится вы-

годная конъюнктура на мировом рынке сырьевых ресурсов, ждать которую приходится годами. Ожидать и догонять – вот удел тех, кто проигрывает от глобализации.

Да и саму потребность догонять умчавших вперед лидеров мы как следует еще не осознали. Ведь как только синусоида мировых цен на нефть и газ долгожданно начинает ползти вверх, мы сразу же бросаемся наверстывать упущенное, но не в сфере реальной экономики, а в пресловутом потреблении. Мы подобны ребенку, которому вдруг привалило счастье найти кошелек, полный денег. Однако он не знает, что ему делать с этим богатством. Неразумное дитя или объедается до горла мороженым, или безудержно тратит деньги на развлечения, спуская все до копейки. А потом всех нас неизбежно накрывает очередной кризис. Но это не столько кризис финансовый, биржевой или какой-либо еще экономический, это скорее кризис нашего сознания, а теперь уже и образа жизни. Мы по-прежнему живем одним днем, мало задумываясь о скором будущем. Нас ничему не учит история, собственный горький опыт нам не идет на пользу.

А ведь все шансы спрогнозировать сегодняшнюю ситуацию, сделать нужные выводы и скорректировать собственную политику у власти и общества были. Шансы эти были высоки, ими можно и нужно было воспользоваться, поскольку нынешний кризис по своей природе, логике внутреннего развития и, возможно, по последствиям очень напоминает события тридцатилетней давности. Как и в семидесятые годы, Европу поразил энергетический удар, правда, причиной тому была не ближневосточная ситуация, а последствия иракской авантюры США. Точно так же возрастающий в мире спрос на углеводороды стал обеспечивать поток в страну «нефтедолларов» (с 2002 по 2008 г. цена на нефть поднялась с 34 до 140 $ за баррель). Но так же однобоко и экстенсивно продолжала развиваться наша экономика, а финансы расходовались непроизводительно либо вообще уводились за рубеж.

По знакомому сценарию повел себя Запад. Почувствовав, что от нефтяных сверхприбылей тучнеют не только российские олигархи, но начинают восстанавливаться утраченные военно-технические и внешнеполитические позиции государства, с хрупким благополучием российской экономики решено было покончить. Толчком к активным действиям против России послужили события в Южной Осетии (2008 г.), как в свое время стимулом для экономической экспансии против СССР послужил ввод наших войск в Афганистан. Далее по накатанной дорожке: новый скачок гонки вооружений и размещение элементов ПРО в Восточной Европе и Турции, а значит – провоцирование нас на ответные меры и новые расходы, и одновременно закулисные переговоры с картелем ОПЕК о проведении массированной демпинговой атаки на мировом рынке с целью обрушить позиции стран–экспортеров нефти, не являющихся членами этой организации.

В результате все вернулось на круги своя. Мы снова в затруднительном положении и в ситуации неопределенности. Чего же нам остается ожидать? Судя по аналогии с прошлым, ничего хорошего. Последствия новой волны кризиса могут оказаться для России столь же разрушительными, как и в 2008–2010 годах, и еще ранее, в восьмидесятые-девяностые годы, для СССР. Никто сегодня не поручится за то, что наша экономическая система сможет выдержать долгую рецессию, а трудности на фондовом рынке и в банковской сфере не перерастут в проблемы социальные, политические и даже геополитические. Так что угрозы существуют довольно серьезные, и преуменьшать их значение для общества и государства было бы неверно и опасно. Но, с другой стороны, было бы ошибкой поддаться эсхатологическим настроениям или пассивно ждать прихода лучших времен. Нужно начать с того, чтобы попытаться преодолеть амнезию нашего коллективного сознания, выйти из психологического оцепенения, порождающего паралич воли. Прошлое служит не только для напоминания о горьком опыте, в нем заложен большой созидательный заряд. Многие страны, в том числе и наша, переживали времена похуже нынешних и находили достойный и своевременный выход из сложной ситуации. Как тут не вспомнить нэп Ленина, «новый курс» Рузвельта, «немецкое чудо» Эрхардта, американские и западноевропейские «неоконсервативные волны» восьмидесятых и т.д. Лично я за такое дежа вю. И чем чаще оно нас будет посещать, тем лучше.